

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 18, Is. 2, pp. 114-136, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.18.114
www.ejournal15.com



UDC 93/94

“We have already Separated the Church from the State, but we still have not the Religion from the People”: the State and the Russian Orthodox Church in the Don in 1923

Ludmila V. Tabunshchikova

Southern Federal University, Russian Federation
Bolshaya Sadovaya Street, 105, Rostov-on-Don 344006
PhD (History)
E-mail: puma19776@mail.ru

Alla V. Shadrina

Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
PhD (History)
E-mail: shadrina@ssc-ras.ru

Abstract

The article deals with one of the less studied subjects of the church-state relationships in the USSR, the events of 1923. In this year there was a change of the tactics in the fight of the Soviet state against religious organizations. The author shows, by the way of example of the Don region, that was started a large scale propagandistic campaign against the Russian Orthodox Church. One of the most notable its theorists was E. Yaroslavsky. There were implemented various forms of active agitation: propagandist public debates and articles in newspapers, public renunciations of the priests-renegades, struggle against church fests, carrying over of holidays, anti-bell and anti-icon campaigns, the introduction of the “red ritual”, the demonstrative closing of churches, etc. The mass propaganda was ineffectual because the “excesses on the ground” provoked indignation among the believers.

Keywords: Russian Orthodox Church, anti-church policy, awareness-raising campaign, Periodicals for Agitprop playground, "Komsomol Christmas", "Komsomol Easter", Cancellation of Sunday as a day off, antikolokolnaya campaign, struggle with icons, the closing of churches in the Don region, "Red ritual", reading rooms.

Введение

Одним из приоритетных направлений коммунистического строительства в 1920-е гг. стала борьба с религиозными организациями, обусловившая сложные и многогранные процессы, происходившие в это время и касавшиеся религиозных организаций в целом и Русской православной церкви в частности. В истории борьбы Советского государства с религией особняком стоит 1923 г. – время, когда вместо антицерковных акций, зачастую вызывающих раздражение значительной части еще остававшегося религиозным населения, в нескольких направлениях была развернута антирелигиозная пропагандистская кампания.

То значение, которое советская власть придавала борьбе с религиозными организациями и религией, вкладывая в это направление значительные средства, свидетельствует об актуальности данной проблематики как для первой трети XX в., так и для современной исторической науки.

Историография проблемы находится в стадии становления. События 1923 г. как комплекс мероприятий, направленных против религиозных организаций, не выступали в качестве объекта исследования. В работах ряда авторов затрагиваются лишь отдельные аспекты антирелигиозных мероприятий, проводимых в 1923 г. Так, в монографии В.А. Алексеева [1], наряду с другими сюжетами, анализируется идеология смены форм и методов борьбы Советского государства с Русской православной церковью. В исследованиях А.А. Слезина акцентируется внимание на участии в антирелигиозной работе комсомола [2–9]. Частично события 1923 г. затрагиваются в монографии М.Ю. Крапивина [10]. Н.Ю. Беликова рассматривает процесс формирования «красной обрядности» [11, 12]. Попытки осмысления событий 1923 г. в Донской области были предприняты Л.В. Табунщиковой и А.В. Шадринной [13, 14].

Материалы и методы

Статья основана на обширной источниковой базе и анализе ранее опубликованных исследований. Архивные источники федеральных – Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ); Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ) – и региональных – Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО); Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО); Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (далее – Архива УФСБ РФ по РО) архивов в большинстве случаев вводятся в научный оборот впервые. В качестве источников привлечены статьи донской периодики 1923 г.

Исследование опирается на традиционные для исторической науки принципы научной объективности, системности и историзма, использован источниковедческий анализ документов. При цитировании документов сохранены их стилистические особенности, включая написание прописных и строчных букв, не всегда соответствующее современным правилам. Пропуски в цитатах обозначены троеточиями в угловых скобках. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

В качестве уточнения необходимо заметить, что в настоящей статье помимо событий, происходивших в 1923 г. непосредственно в Донской области, рассматривается ситуация в Таганрогском и Шахтинском округах, с 1920 по 1924 гг. входивших в состав Украинской ССР [15]. Поскольку за исключением указанных четырех лет эти округа были частью области Войска Донского (1887–1920 гг.), с 1924 г. – в составе Юго-Восточной области, затем Северо-Кавказского края, с 1934 г. – Азово-Черноморского края, с 1937 г. – Ростовской области – они рассматриваются как часть донского региона.

Обсуждение и результаты

С момента Февральской революции 1917 г. Советское государство абсолютно четко заявило о своем отношении к религии и религиозным организациям. Оно было выражено в декрете об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, принятом 20 января (2 февраля) 1918 г. [16] Идеология этой позиции была сформулирована в известной статье В.И. Ленина «Социализм и религия» и заключалась в том, что с религией необходимо бороться, поскольку она «всегда затемняла сознание трудящихся и звала к подчинению власти капиталистов и помещиков, религия всегда нужна была для порабощения» [17].

На протяжении 1918–1922 гг., демонстрируя внешнее соблюдение законности, советская власть пыталась найти способы, как лишить Русскую православную церковь влияния на народ и разрушить ее, как организацию. После «отделения Церкви от государства», заключавшегося в национализации церковного имущества и подписании договоров об аренде церковного здания, богослужебных облачений и утвари, поочередно проводились: вскрытие мощей, оцененное соратниками В.И. Ленина как «нелепое и вредное для нас» [18]; изъятие церковных ценностей и показательные суды над духовенством за «укрытие» богослужебных сосудов; насаждение при помощи ГПУ обновленческого раскола,

который, по мысли Советского руководства, должен был разрушить Церковь изнутри. В этой череде антицерковных кампаний, направленных главным образом на дискредитацию иерархов и духовенства, 1923 г. представляется своего рода рубежом, характеризующимся резкой сменой тактики не только продолжавшейся, но и усиливавшейся борьбы с религиозными организациями и, в частности, с Русской православной церковью. В 1923 г. вместе с продолжавшимся насаждением обновленческого раскола была развернута широкая агитационно-пропагандистская кампания. Ее масштабы были столь грандиозны, что у постороннего наблюдателя складывалось впечатление о происходивших в СССР настоящих религиозных гонениях [19].

Анализ причин изменения тактики проведения антицерковной политики показывает, что в законах, циркулярах и инструкциях, утвержденных в 1923 г., не было дано юридического обоснования развернувшейся в этом году агитационно-пропагандистской кампании. В большинстве случаев законодательные акты касались налоговой политики относительно церковных строений [20] и духовенства [21], поддержки обновленчества [22]. Однако в них отражена реакция на проводившуюся политику. Так, в циркуляре Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР от 19 марта 1923 г. № 45 запрещалось «выставление икон и других религиозных изображений» в общественных местах [23]; декрет ВЦИК от 19 апреля 1923 г. № 02814 и циркуляр Наркомата юстиции от 20 сентября 1923 г. № 190 регламентировали закрытие церквей, предоставляя широкие полномочия президиумам губернских исполнительных комитетов [24]. Два закона касались судьбы православных монастырей [25]. В июне 1923 г. был издан циркуляр ВЦСПС «Об антирелигиозной пропаганде», в котором критиковалось ее проведение «в уродливых формах» [26]. По словам циркуляра, «союзы борются и должны будут бороться в дальнейшем с пережитками духовного рабства <...> но эта борьба должна выражаться не в принудительных мероприятиях и не в наказаниях <...> а в методах убеждения и упорной систематической культурно-просветительской работе, проводимой во всей союзной деятельности» [27]. 30 июля 1923 г. было принято постановление Президиума ВЦИК РСФСР о перенесении 8 дней отдыха, предоставленных населению православного вероисповедания со старого на новый стиль [28].

Как видно, законодательство не дает представления о предпосылках к изменению тактики проведения антицерковной политики. Объяснение этому можно найти в деятельности антирелигиозников. Еще в конце 1921 г. Н.И. Бухарин, «отвечавший в Политбюро ЦК РКП(б) за работу с комсомолом, в одной из статей в “Правде”, рассуждая о необходимости привлечения молодежи к овладению марксизмом... рекомендовал использовать для повышения интереса юношества разнообразные эмоциональные формы организации» антирелигиозной деятельности [29]. Эту идею развил И.И. Скворцов-Степанов, выступивший 15 ноября 1922 г. на страницах «Правды» со статьей «Комсомольское рождество» или почему бы нам не справлять религиозные праздники» [30]. Он «горячо поддержал» инициативу комсомольцев из числа еврейской молодежи города Минска по организации ими религиозных шествий. 24 ноября 1922 г. бюро ЦК комсомола утвердило документ «О кампании “Комсомольского рождества”» [31]. Следующим этапом осмысления изменения тактики антирелигиозной борьбы была деятельность Е.М. Ярославского. Именно он, реагируя на слова В.И. Ленина «К весне 1921 г. выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке “штурмовым” способом, т.е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам» [32], стал автором термина «период бури и натиска», относя его к борьбе с религией в 1918–1922 гг. Признавая вслед за Лениным, что итоги борьбы неудовлетворительны [33], он предложил перейти от методов «бури и натиска» к усиленной агитационной работе.

Небезосновательным объяснением представляется и предположение неизвестного автора статьи, опубликованной 4 июня 1923 г. в «The Times of London»: «Яростные вспышки религиозных гонений, столь глубоко потрясшие общественное мнение России, стали, скорее всего, признаком шаткости коммунистической власти, а также попыткой коммунистов скрыть от своих рьяных адептов факт капитуляции, то есть отход от провозглашенных ранее актуальными задач, направленных на воплощение коммунистического принципа в экономике» [34].

Итак, к 1922 г. советское правительство осознало неудачу «штурмовой» тактики борьбы с религией. Подготовка к смене методов проведения антирелигиозной политики началась осенью 1922 г., ее идеологами стали Н.И. Бухарин, И.И. Скворцов-Степанов и Е.М. Ярославский. Ставка была сделана на молодежь – комсомольцев, с удовольствием взявших на вооружение «разнообразные эмоциональные формы» проведения антицерковных выступлений, несмотря на то, что Ленин «назвал мероприятия по типу “комсомольского рождества” озорством, отметив даже их вредность для постановки систематической антирелигиозной пропаганды, указав на нетерпимость оскорбительного отношения к верующим» [35]. В основу новых методов была положена агитация, о которой В.В. Маяковский в 1923 г. писал: «Мы знаем прекрасно силу агитации. В каждой военной победе, в каждой хозяйственной удаче на 9/10 сказывается умение и сила нашей агитации» [36]. В 1923 г. в борьбе с религией было использовано все многообразие ее активных форм: живая газета; вечера вопросов и ответов; политические инсценировки; агитсуды; диспуты; агиткинопоходы [37] и др.

Донской регион, несмотря на свои особенности, связанные, прежде всего, с преобладающим большинством консервативного, в том числе в вопросах веры населения, незначительно отличался от других районов РСФСР относительно развернувшейся в 1923 г. агитационно-пропагандистской кампании. Особенности ее реализации на Дону уместно рассмотреть в документах партийных и исполнительных органов власти и по направлениям тех мероприятий, которые проводились: периодика как площадка для агитпропа¹; борьба с церковными праздниками; перенос выходных дней; антиколокольная и антииконная кампании; закрытия церквей; введение «красной обрядности» и идеологическое воздействие через избы-читальни.

В документах партийных и исполнительных органов власти Дона в 1923 г. вопросам антирелигиозной пропаганды отводилось большое внимание. Для них характерна особенность: донские исполкомы и партийные ячейки не выступали инициаторами каких-либо новаций – их деятельность определялась исключительно указаниями центральных органов власти. Анализ отчетной документации, посвященной становлению антирелигиозной пропаганды на Дону, дает представление о тех же тенденциях, которые звучали в речах Н.И. Бухарина, И.И. Скворцова-Степанова и Е.М. Ярославского. Так, на февральском пленуме Донского комитета Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) отмечалось, что комсомол не имеет большого опыта антирелигиозной пропаганды, но поскольку «в массе молодежь атеистична» и «к вопросам религии проявляется большой интерес» [38], она готова стать объектом антирелигиозной пропаганды, которая должна носить систематический характер, основанный на естественнонаучных знаниях [39]. Тем не менее, пленум признал необходимым дальнейшее использование больших (Пасха, Рождество, Троица) и более мелких, по мнению коммунистов (Вознесение, Воздвижение), религиозных праздников для «революционного выступления против религии» [40]. На областном съезде РКСМ было предложено «праздновать» Ивана Купалу² и Ильин день³, насыщая их языческим содержанием «при проведении подобных праздников, использовать обычаи населения – особенно, молодежи – костры, хождение в лес, гадания и т.п.» [41]. Впрочем, делегаты съезда вряд ли давали себе отчет в том, что они предлагают уклон в язычество. Скорее всего, для них была важна зрелищность организуемых ими мероприятий.

Для привлечения молодежи было принято решение об организации антирелигиозных кружков и коллективов пропагандистов-антирелигиозников из активных партийцев и комсомольцев [42]. О необходимости расширения «сети марксистских кружков по различным видам антирелигиозной пропаганды» говорилось и на Донской областной партийной конференции (22–24 марта 1923 г.) [43]. На областном съезде РКСМ предлагалось в летнее время организовать инструкторско-театральный отряд для работ в округах [44]. В июне 1923 г., вслед за циркуляром ВЦСПС «Об антирелигиозной пропаганде», критиковавшем

¹ Агитпроп – отделы пропаганды и агитации при ЦК и местных комитетах РКП(б).

² Рождество Св. пророка Иоанна Предтечи (7 июля нового стиля).

³ День памяти Св. пророка Илии (2 августа нового стиля)

ее проведение «в уродливых формах» [45], начала звучать тема необходимости изменения методов антирелигиозной пропаганды и ее осторожного проведения [46].

Как видно, документы партийных и исполнительных органов власти Дона в целом повторяют установки, «спущенные» из Москвы. В них подчеркивается необходимость организации антирелигиозной пропаганды, очевидны попытки поиска методов, которые, впрочем, не выходили за рамки разработанных «центральными антирелигиозниками». С июня 1923 г. обсуждалась необходимость избегания «перегибов» в антирелигиозной работе. Однако факты этих перегибов не озвучивались.

В Донской области антирелигиозная пропаганда начала проводиться с марта 1923 г. по стандартным схемам. В докладе инструктора Кириллова о положении в округах Донской области в 1923 г. сообщалось, что антирелигиозная работа на местах велась «очень успешно»: в Морозовском округе было проведено «комсомольское рождество»; работа в кружках и школах проходила по программе агитпропа¹. В округах были созданы антирелигиозные кружки: в Донецком округе – 1 (45 членов), в 1-м Донском округе – 1 (12 членов), в Черкасском округе – 1 (68 членов). В Городском районе Ростова-на-Дону в партийном клубе кроме кружковой и школьной работы был проведен ряд эпизодических и цикловых лекций на «научные» темы: омолаживание, антирелигиозная пропаганда и т.д. В антирелигиозный кружок на Ростовской фабрике им. Р. Люксембург записалось 79 человек [47]. В июньском отчете об организации «Дискуссионного клуба» при агитпропе сообщалось, что в Темерницком районе Ростова-на-Дону были созданы: 8 школ политграмоты (300 человек); 1 марксистский кружок (20 человек); 1 антирелигиозный кружок (200 человек, из них 50 % беспартийных). В Черкасском округе были организованы: 2 школы политграмоты; 1 марксистский и 1 антирелигиозный кружки; 3 политкружка. В Морозовском округе – 1 школа политграмоты; 1 марксистский и 1 антирелигиозный кружки. В Ростовском округе – 1 кружок по изучению антирелигиозной пропаганды [48]. С апреля по сентябрь были проведены тематические лекции (в документе – «компания») «О патриархе Тихоне», «Комсомольская пасха»; «О судьбах церкви»; «Неделя помощи Воздухофлоту» [49]. Как правило, с Воздухофлотом связывалась антиколокольная кампания. На заседании Сальского окружного комитета РКП(б) обсуждался вопрос о внесении обновленческого раскола в среду духовенства. Именно это, по мнению членов комитета, считалось антирелигиозной работой [50]. В поселке Султан-Салы в июне 1923 г. политсекция политпросвета провела вечер антирелигиозной пропаганды, на котором были зачитаны доклады «Религия и коммунизм», «Отделение церкви от государства» [51]. В Ленинском районе Донской области в марте 1923 г. «проведение антирелигиозной пропаганды» среди незаможных (неимущих) селян дало следующие результаты: незаможники «вынесли резолюцию: в церковь не ходить, потому что церковь очаг контрреволюции. Кто будет ходить в церковь исключать из комнезам². В резолюции они просили высшие инстанции соввласти закрыть имеющиеся в х. Ленин церкви³ [и передать их] в распоряжение Райисполкома» «под культучреждения» [52]. В том же документе отмечалось, что отказ селян от единоверческой церкви⁴ был обусловлен не высоким налогом на церковное строение (400 руб.), а тем, что «коллектив верующих раскололся на два лагеря и половина оказались неверующими, которые также повели антирелигиозную пропаганду среди верующих» [53]. Также выражалась надежда на то, что при помощи «незаможных селян, которые ведут индивидуальную работу пропаганды», вскоре будет закрыт и второй храм [54].

Аналогичная ситуация относительно антирелигиозной пропаганды, под которой понималось закрытие церквей, сложилась в Таганрогском округе, с 1920 по 1924 гг. входившем в состав Украинской ССР [55]. Начавшаяся в марте 1923 г. кампания «всколыхнула широкие рабочие и трудящиеся массы. Проводимые диспуты-лекции на тему

¹ Здесь, скорее всего, имеется в виду антирелигиозная работа.

² Комнезам (рус. – комбед) – комитет бедноты (неимущих).

³ В хуторе Ленин было 2 церкви: православная и единоверческая.

⁴ Единоверие – направление внутри Русской православной церкви, основанное в 1800 г. как средство примирения со старообрядчеством. При подчинении духовенства и общины Св. Синоду и епархиальному архиерею Русской православной церкви, в единоверческих храмах все богослужения, таинства и обряды совершались «по старому требнику», т.е. по старому обряду.

«Религия и пролетариат», «О значении религии и веры в бога», «Религия и рабочий класс», «Класс пролетариата и религия, возникновение и борьба с нею», «Миф о непорочном зачатии», «Религия, наука и борьба с религиозными предрассудками» и т.д. прошли с большим оживлением при огромном количестве рабочих, служащих и трудящихся гор. Таганрога» [56]. В результате на собраниях выносились единодушные резолюции «с категорическим требованием от Советской власти немедленного закрытия домов религиозного культа и предоставления таковых под культурно-просветительные учреждения» [57]. В апреле 1923 г. на объединенном заседании президиума окружного исполкома и президиума городского совета был заслушан доклад тов. Амоля, в котором он сообщал, что на 11 общих собраниях, проведенных в Таганроге, 8000 трудящихся требовали «предоставить помещения домов всех религиозных культов под культурно-просветительные цели» [58]. К августу 1923 г. в Таганроге были созданы антирелигиозные тройки, которые проводили диспуты и лекции на темы: «Религия и пролетариат», «О значении религии и веры в бога», «Религия и рабочий класс». В результате «жизнь и деятельность духовенства, как в городе, так и в округе, благодаря созданию антирелигиозных троек, замерла, наблюдается также упадок энергии в деятельности религиозных общин, находящихся на территории Тагокруга» [59]. К концу 1923 г. «распропагандированные» селяне Таганрогского округа начали самостоятельно проводить антицерковную агитацию и «поспешили в окружной центр с пролетарскими подарками: колоколами, снятыми по постановлению общих собраний» [60].

Как видно, «антирелигиозная пропаганда» в разных административных округах Донской области понималась по-разному. В районах с казачьим населением создавались антирелигиозные и другие кружки, а в районах с крестьянским населением логическим завершением пропагандистской кампании было закрытие церквей и передача церковных зданий под культурно-просветительские цели. Это свидетельствует о непонимании руководством местных партийных и исполнительных комитетов цели и задач начавшейся в 1923 г. кампании. Для них также непонятными были призывы к осторожности в проведении антирелигиозной пропаганды. Партийные лидеры местного масштаба все еще оставались под впечатлением пафоса «бури и натиска» и не сомневались, что Церковь будет уничтожена в самое ближайшее время. Вопрос же о религиозности населения, с которой призывали бороться И.И. Скворцов-Степанов и Е.М. Ярославский, для них не был понятен. Религиозность для партийного руководства на местах олицетворялась с Церковью. Нет Церкви – нет и религиозности.

Важнейшим направлением антирелигиозной пропаганды было привлечение периодических изданий Донской области в качестве агитационной площадки. Здесь использовались различные методы воздействия: публикация «подслушанных» разговоров; примеры из жизни, целью которых было убедить, что отречение от религии не только не предосудительно, но и похвально; идеологизированные разъяснения о сути религии и Церкви; дискредитация духовенства и даже справедливая самокритика антирелигиозников. Так, в газете «Трудовой Дон» автор описывал «подслушанные» впечатления ростовских рабочих от чтения газеты: «Вот здорово! В [станции] Морозовской рабочие сразу три церкви закрыли, а у нас под боком костел и Успенская [церковь], ежедневно похоронную себе отзванивают, а их никто и не догадывается похоронить. Из костела хорошая школа бы получилась, даже скамейки есть, только колокола снять, “святых” вынести и учись себе на здоровье» [61]. В качестве примера для подражания приводился гражданин Борисов из хутора Потемкинского Сальского округа, который, будучи коммунистом 30 лет (!) «давно знал, что жить можно без попов и библии» [62]. Особенно выразительным персонажем был некий «Гришка-слесарь», который, поссорившись со священником, на антирелигиозном вечере заявил: «Тридцать лет я верил в бога, поклонялся ему. Глаза чуть не выдирали тому, кто говорил против. Но только недавно понял я, что бога нет и что все то, что нам говорили о богах – была лишь сказка. Остервенел я тогда против обманщиков, схватил иконы, да обзель. Плакала сперва жинка. Говорила: “Зачем ты их побил? Пускай бы как украшения висели...”. Пошел я на другой день, купил три портрета: Ленина, Карла Маркса и Троцкого и говорю: “На тебе украшения!”» [63]. Примечательно, что начиная с 1920-х гг. в «красном угле» многих домов иконы вполне мирно уживались с портретами вождей революции [64].

В качестве доказательства несостоятельности Церкви перед лицом антирелигиозников нередко приводилось нежелание священников участвовать в работе антирелигиозных кружков и митингов [65, 66]. Это во всеуслышание расценивалось как признание справедливости того, что Бога нет, а Церковь – это обман. В статье с актуальным и сегодня названием «Государство и церковь» автор «разъяснял» сущность религии и Церкви: «Церковь – это общественная организация на почве религии <...>. Религия – это общественное явление. И явление вредное, основанное на невежестве и суеверии масс <...>. Во всех буржуазных государствах церковь является таким же орудием угнетения и порабощения народных масс <...>. Мы же, рассматривая религию, как народное и общественное дело, ни в коем случае не должны и не можем использовать в тех или иных целях церковной организации церкви. Ее мы рассматриваем как организацию темноты и невежества. А против темноты и невежества необходимо бороться» [67]. В рассуждениях на страницах газеты о Ленских событиях¹ также были затронуты две проблемы: личной религиозности и необходимости Церкви для человека. Так, старик Федин заявил: «Я одной ногой стою в гробу, и все же вот здесь громко заявляю, что бога нет» [68]. Товарищ Руденко сказал: «Никаких нет богов, есть только один ум человека. Живая церковь – только фальшивое подлизывание к Советской власти из боязни, что она весь этот хлам сметет железной рукой» [69]. В резолюции собрания рабочие сделали вывод: «Всякая религия затемняет разум и оправдывает эксплуатацию человека. Добившись политического освобождения, мы должны добиться и освобождения духовного» [70].

Одним из «любимых» направлений публикаций на страницах периодики была дискредитация духовенства. Журналист «Крапивный» с удовольствием смаковал, что в станице Нижнегниловской попы стали на реке собирать «пожертвования рыбой», за неимением других жертвований. Но им никто рыбы не дал [71]. Уход священника из церкви хутора Нижне-Журавского из-за невозможности платить имущественно-подоходный налог расценивался как «бегство попа в поисках хорошей жизни» [72]. Особенно доставалось обновленческому духовенству, замеченному в пристрастии к алкоголю, «бабам» и дракам [73].

Для того чтобы подчеркнуть важность антирелигиозной работы и ее серьезность, на страницах «Трудового Дона» публиковались статьи, исполненные патетической самокритики. П. Алексеев, разбирая инсценировку Попова-Инсарова «Суд над богом», писал: «Глубоко продуманы, научно-обоснованы должны быть антирелигиозные лекции, беседы <...> Инсценировка Попова-Инсарова “Суд над богом”, поставленная 4 сентября в рабочем клубе железнодорожников и повторенная затем в кинотеатре “Колизей” не ответила, к сожалению, этим необходимым требованиям антирелигиозной пропаганды. В корне неправилен был, прежде всего, самый подход к теме – и чуткое ухо рабочей массы хорошо уловило этот фальшивый тон в инсценировке» [74]. По мнению автора, в ней слишком некритично употреблялись библейские тексты.

Особое место в антирелигиозной пропаганде занимали диспуты, в том числе на страницах периодики. Их характерной особенностью было то, что «правда» всегда оставалась на стороне борцов с религией: в станице Митякинской на антирелигиозный диспут пришли «утрюмые старики» «спорить, но их молодежь “покрывает” и они во многом соглашаются» [75]. Участвовавший в диспуте, устроенном по инициативе бюро Морозовского окружного партийного комитета, священник Яковлев пытался донести до слушателей, что «библейские стихи имеют символическое значение, и что главы о сотворении мира (из Бытия, гл. I и II) нужно понимать иносказательно». Но остался посрамленным, поскольку слушатели после прений приняли оптимистичную резолюцию, «гласящую о том, что религия тормозит науку, а источник, из которого попы берут свою лживую игру – содержит ложь и явные противоречия» [76].

Наиболее убедительными с точки зрения агитационно-пропагандистской методики были заявления священников-рenegатов. Один из таких образцов был опубликован в «Трудовом Доне». Поскольку подобные заявления были нечастыми в донской периодике, приведем его: «Давно считаю неременной обязанностью поставить в известность окрисполкому, что я в 1-м Донском округе около 6-ти лет дурачил народ в х. Евсеевском

¹ Расстрел бастовавших рабочих Ленского золотопромышленного товарищества 4(17) апреля 1912 г., в результате которого погибло от 150 до 270 человек.

В[ерхне]-Кундрюченской станицы. С момента ликвидации деникинщины, я сначала по чисто “механическим” причинам, а затем по мере критического выяснения религиозного и политического невежества своего прошлого, порвал всякую моральную связь, не только с “православной церковью”, но и вообще со всякой верой и в “бога” и в “черта”, это, во-первых. Во-вторых – то обстоятельство, что силою вещей, я оказался неспособным стать в ряды бойцов, за величайшею идею рабочих, под знаменем которой сплотилось все честное и мыслящее, служит для меня предметом постоянного, тягостного сожаления; в-третьих: обращаюсь ко всем моим многочисленным знакомым по “колокольному звону”, чтобы и они последовали моему примеру и вместо “божественной” кафедры, выступили бы на обыкновенной пролетарской трибуне и во всеуслышание разоблачили бы тысячелетний обман; в-четвертых: с 1920 года средства к жизни добываю трудом чернорабочего. В настоящее же время работаю в шахтах Донбасса. Надеюсь, что окрисполком в интересах правды, не откажется дать настоящему моему заявлению самую широкую гласность. Бывший “священник” Петр Андреевич Алексеев» [77]. В отличие от многих бывших сослуживцев, священник-рэнегат П.А. Алексеев, происходивший из духовного сословия и окончивший Донскую духовную семинарию [78], не был ни арестован в 1920-х гг., ни репрессирован в 1937–1938 гг. [79].

Приведенные примеры показывают, что «антирелигиозники» Донской области предпринимали попытки использовать различные методы воздействия на население с помощью периодической печати. Однако ни одна из этих попыток не соответствовала представлениям партийного руководства страны о систематическом характере агитации, основанной на естественнонаучных знаниях. Статьи отличались примитивизмом, способным удовлетворить разве что самих агитаторов, преисполненных пафоса борьбы с «этой рухлядью».

Самыми эмоционально насыщенными, красочными, не только не достигшими цели, но и принесшими наибольший вред агитационно-пропагандистской кампании 1923 г., были акции, направленные против церковных праздников. В основе их неудачи лежали два фактора: привлечение комсомольцев, внесших в их организацию бесшабашность и чрезмерный напор, и «перегибы», идущие вразрез с прямыми указаниями партийного руководства. В конце декабря 1922 г. уездным партийным комитетам Таганрогского и Шахтинского округов разослали документ, в котором были сформулированы цели и задачи проведения «комсомольского рождества»: «кампания комсомольских святок¹, носящих характер с одной стороны, антирелигиозных, с другой стороны ставит себе задачу отвлечь членов КСМ² и беспартийную молодежь от непосредственного участия в религиозных обрядах, и всегда сопутствующие таким празднествам пьянство, вечеринки, кутежи и т.д. <...> важность проведения комсомольских святок обуславливается необходимостью наглядно выявить нерелигиозность пролетарского юношества, находящегося в рядах КСМ, так и вне его, демонстрируя это перед религиозно настроенной толпой» [80]. Одной из важнейших задач устраиваемых акций было не допустить стычки между «демонстрантами и религиозной толпой» [81]. 13 марта 1923 г. на заседании коллегии агитпропа были определены основные условия проведения «комсомольской пасхи»: «1. Комсомольская Пасха проводится в форме антирелигиозных вечеров по клубам. Антирелигиозная пропаганда, в связи с Комсомольской Пасхой, проводится и в окружных центрах по округам и волостям, при наличии соответствующих сил. 2. По районам проводятся диспуты при условии хорошей подготовки. 3. Организация антирелигиозной выставки по районам <...>» [82]. Однако на практике ни одно из названных условий соблюдено не было.

Антирождественская кампания в Донской области прошла с большим размахом в Ростове-на-Дону, Шахтинском и Таганрогском округах. О ее проведении в станицах и хуторах с казачьим населением сведений не сохранилось. Поскольку подробности комсомольского рождества 1923 г. были ранее описаны [83–85], заметим только, что при всем своем размахе эта акция не увенчалась успехом, поскольку «на местах» религиозное население не устраивало «стычек» и никоим образом не реагировало на оскорбительные

¹ Святки – время между праздниками Рождества Христова и Крещения Господня (Богоявления).

² Коммунистический союз молодежи.

и кощунственные выходки комсомольцев. Верующие, теперь уже увенчанные венцом «мученичества», молчали, все больше убеждаясь в собственной правоте.

Несмотря на критику руководства страны, антирождественская кампания стала образцом для проведения других акций, направленных против религиозных праздников. Если Крещение на Дону отметили выходом на работу: по инициативе Шахтинского окружкома было собрано 300 подписей, 18 января было проведено общее собрание, на котором присутствовало 682 человека, которые единогласно постановили 19 января работать, «и работало 80 % всех рабочих» [86], то антипасхальная кампания отличалась еще большим размахом, чем антирождественская. Невзирая на инструкцию ЦК РКП(б) «Об антирелигиозной кампании во время пасхи», где предписывалось «перенести центр тяжести на научное объяснение происхождения религиозных праздников» [87] и категорический запрет губернскими комитетами Шахтинского и Таганрогского округов уличных демонстраций, карнавалов, предложение сосредоточить кампанию исключительно в стенах клубов и предприятий [88], пасхальные торжества в комсомольском исполнении проводилась с особым размахом. Митинги сменялись чтением лекций, лекции – театрализованными представлениями, театрализованные представления – демонстрациями, демонстрации – беседами [89], беседы – карнавалом, на котором присутствовали сюжеты: «как черти везли хоронить попа, лежащего в гробу», «как черт с попом христосовались» и др. [90]. В отличие от крестьянских Таганрогского и Шахтинского, в округах, до 1920 г. входивших в область Войска Донского, предпочли выполнить инструкции ЦК РКП(б) и ограничиться проведением мероприятий в помещениях. Так, в Сальском округе на заседании бюро окружного парткома от 30 марта 1923 г. было решено провести Пасху «в закрытых помещениях путем докладов, антирелигиозных пьес декламаций и пением частушек» [91]. В Сулинском райкоме партии также приняли решение в четверг прочесть лекцию на тему «Происхождение человека» и провести вечер молодежи; в пятницу прочесть лекцию «Происхождение религии и веры в Бога», провести вечер молодежи; в субботу прочесть лекцию «Происхождение Пасхи (миф о Христе)» и провести вечер молодежи, а в воскресенье завершить празднества спектаклем «Пасха и 1-е Мая» [92]. Помимо комсомольских «рождества», «крещения» и «пасхи» в Шахтинском округе было проведено празднование «троицы» и «преображения», которые не имели большого размаха и ограничились митингами и докладами [93].

Анти-праздники сопровождалась обилием лекций. Их тематика была обширной: о падающих звездах; о вреде употребления самогона; о половой преступности; о женщине; о Боге; о золоте; о гражданском браке; об истории профсоюзного движения в России и строении земли [94]; о происхождении праздника Троицы; создал ли Бог человека или человек Бога; наука и религия [95]; положение женщин на Западе; ликвидация неграмотности; церковь и власть [96]; марксизм и религия; исторический материализм; марксизм и религия [97]. При всей обширности замысла местных агитаторов, очевидно, что многие темы, приуроченные к проведению антирелигиозных праздников, были далеки по тематике от антирелигиозной пропаганды.

Итак, полюбившиеся комсомольцам зрелищные «рождество» и «пасха» не принесли желаемых результатов. Более того, в 1923 г. партийные руководители, наблюдавшие за воодушевлением комсомольцев, заявили, что «сама структура РКСМ весьма неустойчива, и делать на нее большие ставки нельзя». В протоколе заседания бюро Черкасского окружкома РКП(б) от 22 сентября 1923 г. констатировалось: «Общее положение работы РКСМ неудовлетворительное, замечается пьянство членов союза и расхлябанность... нет совершенно основного ядра в РКСМ, которое действовало бы организовано на всю массу членов, собрания проходят безалаберно... отсутствует совершенно союзная этика» [98]. Вероятно, по этим причинам в последующие годы антирелигиозная работа стала обязанностью агитпропов при местных партийных ячейках. В 1924 г. Таганрогский окружной комитет РКП(б), планируя пасхальную антирелигиозную кампанию, однозначно постановил: «Не допускать никаких демонстраций, шествий и диспутов. Вся работа должна проходить спокойно, планомерно, продуманно и углубленно» [99]. Действительно, начиная с 1925 г. антипасхальные «действия» перешли в клубы, хотя эта форма пропаганды в скорректированном виде оставалась до 1929 г. включительно [100].

Борьба с религиозными праздниками стала причиной появления советских тематических празднеств. В июле 1923 г. в донской периодике началась реклама предполагаемого в сентябре и одобренного партией [101] праздника «товарища Урожая»: «Кампания явится первым опытом массового празднества в деревне политического характера и должна привлечь широкие слои крестьян и крестьянской молодежи» [102]. Задачей проведения этого мероприятия была «агитация за улучшение способов обработки земли и укрепления союза рабочих города с крестьянами». Как и антицерковные праздники, праздник «товарища Урожая» должен был сопровождаться карнавальными шествиями, торжественными собраниями, чествованиями героев земледельческого труда и поднесением им подарков от городских рабочих [103].

Подготовка к «комсомольской пасхе» 1923 г. на Дону, как и по всей России, стала предпосылкой к началу кампании за отмену воскресенья как выходного дня. В марте 1923 г. руководство округов приняло соответствующее решение на закрытых заседаниях и разослало постановление «провести собрания между служащими о перенесении дня отдыха вместо воскресенья на понедельник» [104]. С апреля началась массированная пропаганда в местной периодике. Газеты изобиловали сообщениями: «Морозовские транспортники, пищевики, металлисты уже сейчас днем отдыха установили понедельник, “вместо поповского воскресенья” [105, 106]; «18 марта конференция работников просвещения в Милютинской волости¹ постановила днем отдыха признать понедельник. И вот после этого два воскресенья (даже вербное²) ученики некоторых школ нашей волости посещают школы и отказываются праздновать поповские праздники» [107]; «рабочие металлургического завода³ <...> днем отдыха <...> считают среду, как исторический день освобождения труда от капитала, связанный с воспоминаниями об октябрьской революции» [108]. В декабре 1923 г. автор статьи «К новому быту» предлагал радикальные меры: «...реформировать календарь, ликвидировав старое именование дней, месяцев, воскресений. Воскресенье переименовать в “День отдыха”, отменить названия месяцев август и июль: «Почему каждый год мы, злейшие враги царизма, 60 дней подряд должны вспоминать каких-то “императоров” Юлиана и Августа, в честь которых названы эти месяцы?» [109]. Несмотря на пафосные вопросы журналиста и на перенос дня отдыха на некоторых предприятиях, очень скоро воскресенье заняло свое привычное место выходного дня.

Одним из направлений антирелигиозной пропаганды 1923 г. была борьба с иконами. В Донской области она началась с января и продолжалась до осени. 19 марта 1923 г. был издан циркуляр Наркомата рабоче-крестьянской инспекции № 45, запрещавший «выставление икон и других религиозных изображений» в общественных местах [110], однако иконы продолжали оставаться еще во многих учреждениях. Об этом дает представление донская периодика. Так, в апреле 1923 г. иконы «красовались» в Новочеркасской 1-й гостино-литографии. Автор заметки предлагал сложить их в «архив древних отбросов» [111]. В общежитии при госпитале⁴ у каждого санитара «были завешены иконами все стены» [112] (ремарка журналиста: «А между тем необходима одна-другая лекция по антирелигиозным вопросам, и все это рассеется как дым» [113]). В Смолинском сельсовете Донецкого округа у председателя в кабинете вместе с плакатами, распоряжениями, портретами Ильича, Троцкого и Каменева «в красном углу – икона “спасителя” в раме, золотом сияет, цветочками убранный» [114]. В Ростове-на-Дону на заводе «Красный Аксай» в январе 1923 г. из плужного и жатвенного цехов сняли иконы. Однако спустя некоторое время они снова там появились. «Кто их повесил – неизвестно, но они висят» [115]. Иконы были обнаружены в Ростове-на-Дону в Центральных мастерских электротехнической службы и в одном из отделений мыловаренного завода «Парижская коммуна» [116]. Помимо констатации фактов местные власти пытались предпринимать шаги в борьбе с этим «непорядком»: начиная с февраля 1923 г. одной из форм антирелигиозной работы Шахтинского агитпропа было «вынесение икон из квартир коммунистов» [117]. Судя по докладу о работе шахтинского агитпропа, эта акция стала

¹ Морозовский округ.

² Вербное воскресенье – христианский праздник, отмечаемый в воскресенье, предшествующее Пасхе.

³ В Таганроге.

⁴ Автор заметки не уточняет, что это был за госпиталь.

причиной значительного недовольства, выразившегося в большом количестве жалоб и заявлений [118]. В марте 1923 г. по постановлению бюро Шахтинского окружкома в Сулиновском районном парткоме на заводе в присутствии рабочих были сожжены иконы [119]. Примерно такая же ситуация была в Таганрогском округе [120]. Проведенные показательные акции стали сигналом для партийных деятелей и руководителей предприятий, которые до конца 1990-х гг. категорически не переносили иконы даже дома. Однако верующих это не испугало и не переубедило – во многих семьях до сих пор хранятся «бабушкины» иконы.

В 1923 г. была инициирована антиколокольная кампания. Ее истоки уходят к постановлению Совнаркома РСФСР 1918 г. об ограничении колокольного звона [121]. С 1922 г. в центральной прессе началась активная агитация за сдачу населением колоколов. С начала 1923 г. агитационную эстафету подхватила региональная донская печать. По приблизительному подсчету изъятие колоколов должно было дать государству больше 1 000 000 пудов меди, которую предполагалось «пустить на электрификацию деревни и на нужды сельского хозяйства» [122]. Убедительным доводом для населения к снятию колоколов был призыв к созданию за счет переплавленной колокольной меди советского Воздушного флота [123]. Поскольку антиколокольная кампания в Донской области была подробно освещена [124], обратимся к ее результатам. Хорошо «поставленная» агитация и организованные местным агитпропом собрания дали внушительные результаты. Только в Таганрогском округе было собрано 35 колоколов весом 838 пудов [125]. Фактов сопротивления населения Дона выявлено не было [126]. Эта форма антирелигиозной политики с разной интенсивностью проводилась до 1930-х гг.

Показательным методом антирелигиозной пропаганды в 1923 г. было введение «красной обрядности». В это понятие входили «красные крестины» или имянаречения, «красные свадьбы» и «красные похороны», т.е. ставшие «советскими» таинства и обряды Русской православной церкви, сопровождавшие человека от рождения до смерти. Советское государство не только ввело гражданскую «метрикацию», но и вынуждено было дать своим гражданам сопровождавшие эти акты обряды. Как писала А. Соколова, «новые обряды были необходимы для того, чтобы конституировать не просто иной статус человека, но, чтобы провозгласить создание нового, доселе невиданного человека — человека, порожденного революцией <...> Обряды использовались пропагандистским аппаратом в качестве своеобразной демаркационной линии между старым и новым миром» [127].

«Красная обрядность» на Дону появляется, как и в целом по стране, в 1923 г. [128] Первым «красным» ритуалом в Донской области стали похороны. В мае 1923 г. жительница поселка Пролетарского (бывшая станица Великокняжеская Сальского округа) Брехунцова попросила, чтобы ей разрешили похоронить 12-летнюю дочь с пением революционных песен и со знаменем [129]. Желание женщины, которое было удовлетворено, автор статьи объяснял влиянием антирелигиозных лекций, прочитанных накануне [130].

Первые советские «крестины» в Донской области состоялись 29 октября 1923 г. Они проходили по схеме, использовавшейся в качестве трафарета: торжественные речи официальных лиц, доклад ученого товарища на тему религии, коллективный, при минимальном участии родителей, выбор имени путем голосования [131]. Имена обязательно связывались с революцией и постреволюционным строительством: Ленина [132], Октябрина [133], Энергия [134], Энгельсина [135], Маркс [136] и др. Особенностью советских «крестин» было зачисление новорожденного в многочисленные советские общественные организации и установление над ним шефства какой-либо организации [137]. Под воздействием пропаганды некоторые родители переименовывали своих детей. Так, З.И. Дубова пожелала дать своим детям новые имена: мальчику – Ким вместо имени Валентин, а девочке – Коллектива вместо Евгении [138]. «Красные крестины» не имели большого распространения среди населения Донской области.

Не менее экзотическими были «красные свадьбы», проходившие в заводских клубах [139] примерно по такой же схеме, как и «крестины»: в присутствии партийного руководства, профессиональных организаций и Донского исполнительного комитета.

Пик «красной обрядности» на Дону был зафиксирован в 1923 г. По Донской области, согласно данным местной периодики, на 1923 г. приходилось 16 «красных крестин», 7 «красных свадеб», 3 похорон «без попа» [140]. Интерес советской власти к новой

обрядности просуществовал с первых революционных лет вплоть до начала 1930-х гг., чтобы вновь возродиться в эпоху хрущевской оттепели конца 1950-х – начала 1960-х гг. [141].

Одним из важнейших методов антирелигиозной агитации и пропаганды было воздействие на народные массы при помощи изб-читален. Этой форме работы с населением придавалось большое значение. Так, в циркуляре секретарям всех волостных партийных комитетов и партийных групп разъяснялось: «Основными задачами пролетарских клубов является предоставление разумного отдыха и развлечения рабоче-крестьянскому классу, стечение и объединение в тесную товарищескую семью, связанную самосознанием общих классовых интересов и к достижению культурно-творческой деятельности» [142]. В избах-читальнях народ приобщался к знаниям об истории и учении коммунистической партии, а также исподволь становился объектом агитации. Работа изб была построена по принципу работы кружков по интересам и ориентирована на то, чтобы максимально занять досуг населения. В них функционировали справочные бюро, кружки чтецов, политические кружки, драматические, хоровые, научно-литературные, выпускалась живая газета [143]. Особенное внимание уделялось чтке прессы [144]. Поскольку в первые годы советской власти среди населения был большой процент неграмотных, газеты читал сотрудник избы. Начиная с 1923 г. в избах-читальнях предпринимались попытки организации кружков антирелигиозной пропаганды, в которых, главным образом, читалась антирелигиозная литература [145]. Помимо таких кружков, в борьбе с религией большое значение имели кружки творческой направленности – театральные (драматические) и хоровые. Показательным примером их значимости представляется статья «Борьба с попами (Донской округ)», опубликованная в газете «Донской пахарь»: «Изба-читальня х. Хорошего Цимлянкой волости борется с религиозностью населения хутора, на три четверти староверческого. Комячейка не унывает <...> быстро настроились хоровой, драматический и музыкальные кружки, пошла в ход библиотека, по праздникам начали ставиться спектакли, концерты, вечера <...> С утра уже в избе-читальне звенит оркестр, репетирует хор, и молодежь (зачастую старики), направляющаяся в церковь, заворачивают послушать музыку. “А ну их к лешему, попов-то, тут занятнее”, – решают посетители. “От церкви мы народ-то отваживаем”, – не без гордости заявляют культпросветчики» [146]. Идея воздействия на население, например, с помощью хорового искусства, была не нова. Еще в 1880-х гг. обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев инициировал введение в курс обучения всех школ Российской империи предмета церковное пение, который должен был привлечь народ к участию в богослужениях Русской православной церкви, что и произошло.

В 1923 г. в Донской области избы-читальни были явлением распространенным [147]: «станции или хутор, где нет избы-читальни, считается отставшей и крестьянин часто выражает свое недовольство» [148], но далеко не всегда приносящим желательные для советской власти результаты. Часто отмечался недостаток литературы и главным образом антирелигиозной [149]. В 1923 г. предпринимались попытки издания такого рода литературы в больших количествах, но ассортимент ее был ограничен. В списке «Книг против религии», приведенном в газете «Трудовой Дон», числилось только 21 наименование, причем пять изданий представляли собой переводы французских борцов с религией [150]. Значительная часть книг принадлежала авторству И.И. Скворцова-Степанова.

В некоторых казачьих станицах и хуторах избы-читальни понимались как продолжение церковно-приходских библиотек. Так, в описании читальни в станице Раздорской говорилось: «На столе лежат книги, журналы: “Мир Божий” за 1909 г., черносотенный журнал “Мирный труд”, где вроде передовицы жирным шрифтом гласит заголовок “Необходимость самодержавия для России”. И вроде настольной книги – “История христианской православной церкви”, соч[инения] протоиерея Петра Смирнова, издан[ия] 1896 г.» [151]. Нередко неудовлетворительная работа изб объяснялась частой сменой заведующих агитпропами [152].

Логическим итогом антицерковных акций 1923 г. было закрытие церквей, полностью соответствовавшее представлениям борцов с религией: нет церкви – нет религии. Изучение динамики закрытия православных храмов в Донской области [153, 154] дает следующие результаты: если в районах, до 1920 г. входивших в состав области Войска Донского, было закрыто их незначительное количество и, несмотря на обновленческий раскол, внутренняя

структура Донской и Новочеркасской епархии сохранялась [155], то в Шахтинском и Таганрогском округах результаты были иные. В Шахтинском округе были закрыты 6 православных храмов (5 рудничных и 1 хуторская церковь) [156]. К лету 1923 г. Таганрогской ликвидационной комиссией (ликвидкомом) были закрыты 7 домовых церквей и 3 часовни [157]. В Ростове-на-Дону раздражение антирелигиозников вызвала церковь при медицинском факультете Донского университета [158]. 25 апреля 1923 г. общее собрание студентов и курсисток 1 курса единогласно постановило предложить студенческой фракции закрыть церковь [159]. В результате храм был закрыт. В 1923 г. приходские хуторские церкви часто закрывались по причине отсутствия священнослужителей, которые покидали храмы из-за невозможности выплачивать подоходно-имущественные налоги, либо из-за отсутствия прихожан [160, 161]. Во многих случаях при появлении другого священнослужителя храм возобновлял свою деятельность.

Характеризуя результаты закрытия церквей в Донской области в 1923 г., нельзя сказать, что они были впечатляющими. Однако именно в это время была заложена схема закрытия, построенная на том, что церковь прекращала свою деятельность постановлением собрания, на котором часто присутствовали нужные для вынесения соответствующего постановления люди. Эта схема с большим успехом применялась в 1930-х гг.

Выводы

Итак, борьба Советского государства с религиозными организациями, в частности, с Русской православной церковью, в 1923 г. вышла на новый уровень: была изменена тактика и методы – вместо кардинальных антицерковных выступлений началась агитационно-пропагандистская кампания, результатом которой должна была стать победа над религиозностью населения. Изменение тактики было связано с неудовлетворительными результатами предшествующей борьбы. Развернутая в 1923 г. агитационно-пропагандистская кампания отличалась разнообразием методов воздействия и форм агитации. Анализ проводившейся кампании 1923 г. в Донской области показал, что она проходила в общереспубликанских рамках. Характерной особенностью проводившихся акций была их направленность на уничтожение Русской православной церкви, которая понималась как синоним «религиозности». Идея же лидеров Советского государства, заключавшаяся именно в борьбе с религиозностью, а не с церковными организациями, что предполагалось как логическое следствие борьбы с религиозностью, не была понята и воспринята представителями местных органов власти и теми, кто участвовал в реализации антицерковных мероприятий. Все акции 1923 г. не принесли сиюминутных желаемых результатов: религиозность населения не упала – от Церкви окончательно отошли только те, для кого главным было исполнение обрядов, а не идейное наполнение принадлежности к ней (например, знание ее учения, участие в евхаристической жизни). Однако результаты антицерковной политики несколько позже принесли свои плоды: родившиеся при советской власти граждане СССР сформировались, действительно, нерелигиозными людьми. Таким образом, в 1923 г. религию от людей отделить не удалось, но это все-таки произошло несколько позже.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках базовой темы бюджетного финансирования ЮНЦ РАН № 0256-2014-0012 «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до Нового времени».

Примечания:

1. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Издательский центр «Россия молодая», 1992. 304 с.
2. Слезин А.А. Комсомол 20-х гг. против религии // Клио. 2002. № 2. С. 130–134.
3. Слезин А.А. Роль Союза безбожников в реализации государственной политики в отношении религии (1924–1939 гг.) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2. С. 85–90.
4. Слезин А.А. Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи в начале 1920-х годов // Исторические, философские,

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 92–98.

5. Слезин А.А. Роль комсомола в реализации политики советского государства в отношении религии (1918–1921 гг.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2009. № 9. С. 82–87.

6. Слезин А.А. Антирелигиозные политекуды 1920-х годов как фактор эволюции общественного правосознания // Право и политика. 2009. № 5. С. 1156–1159.

7. Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.). М.: Российская академия естествознания, 2009. 222 с.

8. Слезин А.А. Политический контроль в религиозной сфере и правосознание молодежи // Философия права. 2010. № 3. С. 95–98.

9. Баланцев А.В., Слезин А.А. Антирелигиозная деятельность раннего комсомола как фактор формирования общественных настроений российской провинции // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (65). С. 30–33.

10. Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград: Перемена, 1997. 367 с.

11. Беликова Н.Ю. Отношение духовенства и верующих к разрушению традиционных религиозных институтов в первые годы советской власти (на примере Юга России) // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XX Адлерские чтения». Адлер: Традиция, 2011. С. 23–26.

12. Беликова Н.Ю. Изменение традиции регистрации брака в первые годы советской власти // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIV Международной научной конференции. В 2 частях. Ч. 1. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. С. 227–229.

13. Табунщикова Л.В., Шадрин А.В. Антицерковные акции 1923 года в донском регионе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8-1. С. 199–204.

14. Табунщикова Л.В., Шадрин А.В. Антирелигиозная борьба в 1923 г. в донском регионе: идеологическое и силовое воздействие на верующих // Известия СОИГСИ. 2014. Т. 11. № 11. С. 40–50.

15. Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // Русский архив. 2015. Т. 9. № 3. С. 205.

16. Орлеанский Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М.: Безбожник, 1930. С. 5–6.

17. Дьяконов Л.П. Советские законы о церкви. Л.: Ленгиз, 1926. С. 4.

18. Письмо С. Мицкевича В.И. Ленину // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Издательство Библийско-богословского института св. апостола Андрея, 1996. С. 40–41.

19. Россия в 1923 году, часть 1. URL: <http://inosmi.ru/history/20110616/170788864.html> (дата обращения: 16.07.2016).

20. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других советских социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбекской и Туркменской / Под ред. П.А. Красикова. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. С. 201, 204–205.

21. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР... С. 310, 334, 352.

22. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР... С. 71, 125, 142, 227.

23. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР... С. 57.

24. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР... С. 236, 237.

25. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР... С. 603, 615.

26. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР... С. 26.

27. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР... С. 27.

28. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР... С. 59–60.
29. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется?.. С. 30.
30. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется?.. С. 31.
31. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется?.. С. 31.
32. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. С. 271.
33. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 271.
34. Россия в 1923 году, часть 1. URL: <http://inosmi.ru/history/20110616/170788864.html> (дата обращения: 16.07.2016).
35. Алексеев В.А. «Штурм небес отменяется?.. С. 32.
36. Свердлов Б.Д. Советская пропаганда в 20-е годы. Разнообразие форм и средств воздействия. М.: Знание, 1990. С. 3.
37. Свердлов Б.Д. Советская пропаганда в 20-е годы... С. 21–60.
38. Пленум Донкома РКСМ // Трудовой Дон. 1923. 16 февраля. С. 4.
39. Пленум Донкома РКСМ... С. 4.
40. Пленум Донкома РКСМ... С. 4.
41. Политпросветработа // Трудовой Дон. 1923. 9 мая. С. 5.
42. Пленум Донкома РКСМ // Трудовой Дон. 1923. 16 февраля. С. 4.
43. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 160. Л. 55г.
44. Политпросветработа. С. 5.
45. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР... С. 26.
46. Пленум Донского комитета РКП(б) // Трудовой Дон. 1923. 10 июня. С. 5.
47. ЦДНИРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 170. Л. 2, 63, 63а, 63г.
48. РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 60. Д. 585.
49. РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 60. Д. 585. Л. 86.
50. ЦДНИРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 21. Л. 7 об.
51. Против бога // Трудовой Дон. 1923. 16 июня. С. 4.
52. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 39. Л. 66об.–67.
53. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 39. Л. 66об.–67.
54. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 39. Л. 66об.–67.
55. Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925. С. 205.
56. ТФ ГАРО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 244. Л. 274.
57. ТФ ГАРО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 244. Л. 274.
58. ТФ ГАРО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 244. Л. 274.
59. ТФ ГАРО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 244. Л. 289.
60. ТФ ГАРО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 169. Л. 10.
61. Наши будни // Трудовой Дон. 1923. 24 апреля. С. 3.
62. Я тридцать лет коммунист» // Трудовой Дон. 1923. 28 апреля. С. 2.
63. Как Гришка-слесарь сделался безбожником // Трудовой Дон. 1923. 18 ноября. С. 3.
64. ...А икона висит... // Трудовой Дон. 1923. 18 августа. С. 2.
65. Против бога и попов // Трудовой Дон. 1923. 20 декабря. С. 3.
66. Благочинный на митинге // Донской пахарь. 1923. 13 июня. С. 2.
67. Государство и церковь // Трудовой Дон. 1923. 30 июня. С. 1.
68. Рабочие о Ленских событиях и о судьбе церкви // Трудовой Дон. 1923. 21 апреля. С. 3.
69. Рабочие о Ленских событиях и о судьбе церкви...
70. Рабочие о Ленских событиях и о судьбе церкви...
71. Птицы небесные // Трудовой Дон. 1923. 12 апреля. С. 3.
72. Никодимов И. Патент на церковь // Трудовой Дон. 1923. 26 мая. С. 4.
73. Епископ-самогонщик (Мечетинская вол., Черкасского окр.) // Донской пахарь. 1923. 4 ноября. С. 2.
74. Суд над богом // Трудовой Дон. 1923. 19 сентября. С. 5.
75. В церковь не ходи // Трудовой Дон. 1923. 16 марта. С. 4.
76. Морозовский округ. Религиозный диспут // Трудовой Дон. 1923. 17 марта. С. 2.
77. Всем старикам и старухам // Трудовой Дон. 1923. 30 августа. С. 2.
78. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12338. Л. 55 об.–56.

79. Шадрина А.В. Результаты выявления имен репрессированного духовенства Донской и Новочеркасской епархии 20–40-х гг. XX в. // Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси. Материалы XIX Димитриевских образовательных чтений. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2014. С. 202–211.
80. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
81. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
82. РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 60. Д. 585. Л. 21.
83. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Антицерковные акции 1923 года в донском регионе. С. 199–201.
84. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. 1923 г.: религиозная обстановка в Донском регионе // Научные труды Донской духовной семинарии. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Антей, 2013. С. 256–275.
85. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Антирелигиозная борьба в 1923 г. в Донском регионе: идеологическое и силовое воздействие на верующих. С. 40–50.
86. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 39. Л. 102.
87. Слезин А.А. За «Новую веру». М.: Академия естествознания, 2009. URL: <http://www.rae.ru/monographs/60-2384> (дата обращения: 7.08.2016).
88. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. С. 179.
89. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Антицерковные акции 1923 года в донском регионе... С. 201.
90. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 36–39.
91. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 21. Л. 7 об.
92. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 62. Л. 3.
93. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 20.
94. ЦДНИРО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 39. Л. 90.
95. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 20.
96. ЦДНИРО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 33. Л. 22.
97. ЦДНИРО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 24. Л. 21–21об.
98. ЦДНИРО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 24 а. Л. 25–25а.
99. ЦДНИРО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 148. Л. 9.
100. ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 39.
101. Праздник урожая // Донской пахарь. 1923. 28 октября. С. 3.
102. Праздник «товарища Урожая» // Трудовой Дон. 1923. 26 июля. С. 2.
103. Праздник урожая // Трудовой Дон. 1923. 5 августа. С. 2.
104. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 38. Л. 9. Д. 40. Л. 34–34об.
105. Антирелигиозное движение среди донского крестьянства // Трудовой Дон. 1923. 8 апреля. С. 2.
106. Вместо воскресенья – понедельник // Советский Юг. 1923. 24 мая. С. 3.
107. Не празднуют воскресенье // Трудовой Дон. 1923. 14 апреля. С. 2.
108. Рабочие о закрытии церквей // Трудовой Дон. 1923. 24 апреля. С. 4.
109. К новому быту // Трудовой Дон. 1923. 28 декабря. С. 2.
110. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР.... С. 57.
111. Пора бы иконы снять // Трудовой Дон. 1923. 3 апреля. С. 2.
112. Ароматный букет. Халтура, иконы, танцульки, разврат и пьянство // Трудовой Дон. 1923. 9 августа. С. 6.
113. Ароматный букет. Халтура, иконы, танцульки, разврат и пьянство.
114. ...А икона висит....
115. Рабочим икон не нужно // Трудовой Дон. 1923. 21 января. С. 2.
116. Долой иконы // Трудовой Дон. 1923. 18 февраля. С. 2.
117. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 14.
118. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.
119. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Д. 27. Л. 32.
120. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Антицерковные акции 1923 года в донском регионе... С. 202.

121. Табунщикова Л.В., Герасимова В.В. Анतिकолокольная кампания в Таганрогском и Шахтинско-Донецком округах в 1923–1924 гг. // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 29 ноября 2015 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 47–51.
122. Колокола на электрификацию деревни // Наука и религия. 1922. 7 июля. С. 4.
123. ТФ ГАРО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 28. Л. 30.
124. Табунщикова Л.В., Герасимова В.В. Анतिकолокольная кампания в Таганрогском и Шахтинско-Донецком округах в 1923–1924 гг.... С. 48.
125. ТФ ГАРО. Ф.Р-10. Оп. 1. Д. 169. Л. 7.
126. Табунщикова Л.В., Герасимова В.В. Анतिकолокольная кампания в Таганрогском и Шахтинско-Донецком округах в 1923–1924 гг.... С. 49.
127. Соколова А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому» // Отечественные записки. 2013. № 5. С. 196–197.
128. Табунщикова Л.В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: История Русской Православной Церкви. М.: ПСТГУ, 2015. № 6. С. 85.
129. Работа среди женщин // Трудовой Дон. 1923. 17 мая. С. 2.
130. Табунщикова Л.В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг. ... С. 85–87.
131. Табунщикова Л.В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг. ... С. 88.
132. В борьбе за новый быт. Советские «крестины» // Трудовой Дон. 1923. 2 ноября. С. 2.
133. Новочеркасск. «Советские крестины» // Трудовой Дон. 1923. 27 ноября. С. 3.
134. Штрихи нового быта. Крестины у совпартшкольцев // Трудовой Дон. 1923. 18 ноября. С. 3.
135. Мы новый быт построим // Трудовой Дон. 1923. 4 декабря. С. 2.
136. Крещенный «Маркс» // Донской пахарь. 1923. 16 октября. С. 2.
137. Табунщикова Л.В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг.... С. 85–94.
138. На наших крестинах // Трудовой Дон. 1923. 24 ноября. С. 2.
139. Рабочий быт. Ломка старого быта (брак по новому) // Трудовой Дон. 1923. 24 ноября. С. 2.
140. Табунщикова Л.В. Модернизация быта 1920-х гг.: «красные свадьбы», «красные крестины», «коммунистические похороны» // Вестник РМИОН. Исторические и социальные аспекты модернизации России в XIX – начале XXI вв. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. С. 228–240.
141. Табунщикова Л.В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг. С. 92.
142. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 7, Л. 26.
143. ЦДНИРО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 24а. Л. 6а.
144. ЦДНИРО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 30. Л. 49об.
145. ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 20.
146. Борьба с попами (Донской округ) // Донской пахарь. 1923. 27 мая. С. 2.
147. Избы-читальни // Трудовой Дон. 1923. 17 апреля. С. 2
148. По избам-читальням // Донской пахарь. 1923. 4 декабря. С. 2.
149. Роговской фракции нужна литература (Донецкий округ) // Трудовой Дон. 1923. 3 апреля. С. 2.
150. Книги против религии // Трудовой Дон. 1923. 5 апреля. С. 5.
151. Раздорское житье // Трудовой Дон. 1923. 18 сентября. С. 3.
152. Работа агитпропа Темрайкома РКП(б) (июнь-июль) // Трудовой Дон. 1923. 9 августа. С. 2.
153. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. К проблеме закрытия православных церквей на Дону в конце 1920-х – 1930-е гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 6 (49). С. 35–44.

154. Табунщикова Л.В. Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920-е – 1930-е гг. Сборник документов. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2013. 504 с.
155. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-52997. Л. 13–14, 38–38об., 42–46об., 47–48об.
156. Табунщикова Л.В. Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920-е – 1930-е гг. С. 16.
157. Табунщикова Л.В. Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920-е – 1930-е гг. С. 14.
158. Необходимо закрыть церковь на медфаке // Трудовой Дон. 1923. 18 апреля. С. 3.
159. Церковь не нужна нам // Трудовой Дон. 1923. 27 апреля. С. 3.
160. Антирелигиозное движение среди донского крестьянства // Трудовой Дон. 1923. 8 апреля. С. 2.
161. Никодимов И. Патент на церковь // Трудовой Дон. 1923. 26 мая. С. 4.

References:

1. Alekseev V. A. “Shturm nebes” otmenjaetsja? Kriticheskie ocherki po istorii bor'by s religiej v SSSR. M.: Izdatel'skij centr “Rossija molodaja”, 1992. 304 s.
2. Slezin A.A. Komsomol 20-h gg. protiv religii // Klio. 2002. № 2. S. 130–134.
3. Slezin A.A. Rol' Sojuza bezbozhnikov v realizacii gosudarstvennoj politiki v otnoshenii religii (1924–1939 gg.) // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2009. № 2. S. 85–90.
4. Slezin A.A. Gosudarstvennaja politika v otnoshenii religii i politicheskij kontrol' sredi molodezhi v nachale 1920-h godov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2009. № 2 (3). С. 92–98.
5. Slezin A.A. Rol' komsomola v realizacii politiki sovetskogo gosudarstva v otnoshenii religii (1918–1921 gg.) // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo. 2009. № 9. S. 82–87.
6. Slezin A.A. Antireligioznye politsudy 1920-h godov kak faktor jevoljucii obshhestvennogo pravosoznanija // Pravo i politika. 2009. № 5. S. 1156–1159.
7. Slezin A.A. Za “novuju veru”. Gosudarstvennaja politika v otnoshenii religii i politicheskij kontrol' sredi molodezhi RSFSR (1918–1929 gg.). M.: Rossijskaja akademija estestvoznanija, 2009. 222 s.
8. Slezin A.A. Politicheskij kontrol' v religioznoj sfere i pravosoznanie molodezhi // Filosofija prava. 2010. № 3. S. 95–98.
9. Balancev A.V., Slezin A.A. Antireligioznaja dejatel'nost' rannego komsomola kak faktor formirovanija obshhestvennyh nastroenij rossijskoj provincii // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. Tambov: Gramota, 2012. № 10 (65). С. 30–33.
10. Krapivin M.Ju. Nepridumannaja cerkovnaja istorija: vlast' i Cerkov' v sovetskoj Rossii (oktjabr' 1917-go – konec 1930-h godov). Volgograd: Peremena, 1997. 367 s.
11. Belikova N.Ju. Otnoshenie duhovenstva i verujushhij k razrusheniju tradicionnyh religioznyh institutov v pervye gody sovetskoj vlasti (na primere Juga Rossii) // Lichnost'. Obshhestvo. Gosudarstvo. Problemy razvitiya i vzaimodejstvija. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii “XX Adlerskie chtenija”. Adler: Tradicija, 2011. S. 23–26.
12. Belikova N.Ju. Izmenenie tradicii registracii braka v pervye gody sovetskoj vlasti // Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov. Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V 2 chastjah. Ch. 1. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2015. S. 227–229.
13. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Anticerkovnye akcii 1923 goda v donskom regione // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 8-1. S. 199–204.
14. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Antireligioznaja bor'ba v 1923 g. v donskom regione: ideologicheskoe i silovoe vozdejstvie na verujushhij // Izvestija SOIGSI. 2014. T. 11. № 11. S. 40–50.
15. Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // Russkij arhiv. 2015. T. 9. № 3. S. 205.

16. Orleanskij N. Zakon o religioznych ob#edinenijah RSFSR i dejstvujushhie zakony, instrukcii, cirkuljary s ot del'nymi kommentarijami po voprosam, svjazannym s otdeleniem cerkvi ot gosudarstva i shk5oly ot cerkvi v Sojuze SSR. M.: Bezbozhnik, 1930. S. 5–6.
17. D'jakonov L.P. Sovetskie zakony o cerkvi. L.: Lengiz, 1926. S. 4.
18. Pis'mo S. Mickevicha V.I. Leninu // Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941. Dokumenty i fotomaterialy. M.: Izdatel'stvo Biblejsko-bogoslovskogo instituta sv. apostola Andreja, 1996. S. 40–41.
19. Rossija v 1923 godu, chast' 1. URL: <http://inosmi.ru/history/20110616/170788864.html> (data obrashhenija: 16.07.2016).
20. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR. Polnyj sbornik dekretov, vedomstvennyh rasporyzhenij i opredelenij Verhovnogo suda RSFSR i drugih sovetskikh socialisticheskikh respublik: USSR, BSSR, ZSFSR, Uzbekskoj i Turkmenskoj / Pod red. P.A. Krasikova. M.: Juridicheskoe izdatel'stvo NKJu RSFSR, 1926. S. 201, 204–205.
21. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR... S. 310, 334, 352.
22. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR... S. 71, 125, 142, 227.
23. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR... S. 57.
24. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR... S. 236, 237.
25. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR... S. 603, 615.
26. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR... S. 26.
27. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR... S. 27.
28. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR... S. 59–60.
29. Alekseev V.A. "Shturm nebes" otmenjaetsja?.. S. 30.
30. Alekseev V.A. "Shturm nebes" otmenjaetsja?.. S. 31.
31. Alekseev V.A. "Shturm nebes" otmenjaetsja?.. S. 31.
32. Alekseev V.A. Illjuzii i dogmy. M.: Politizdat, 1991. S. 271.
33. Alekseev V.A. Illjuzii i dogmy. S. 271.
34. Rossija v 1923 godu, chast' 1. URL: <http://inosmi.ru/history/20110616/170788864.html> (data obrashhenija: 16.07.2016).
35. Alekseev V.A. "Shturm nebes" otmenjaetsja? S. 32.
36. Sverdlov B.D. Sovetskaja propaganda v 20-e gody. Raznoobrazie form i sredstv vozdejstvija. M.: Znanie, 1990. S. 3.
37. Sverdlov B.D. Sovetskaja propaganda v 20-e gody... S. 21–60.
38. Plenum Donkoma RKSM // Trudovoj Don. 1923. 16 fevralja. S. 4.
39. Plenum Donkoma RKSM... S. 4.
40. Plenum Donkoma RKSM... S. 4.
41. Politprosvetrabota // Trudovoj Don. 1923. 9 maja. S. 5.
42. Plenum Donkoma RKSM // Trudovoj Don. 1923. 16 fevralja. S. 4.
43. CDNIRO. F. 4. Op. 1. D. 160. L. 55g.
44. Politprosvetrabota. S. 5.
45. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR... S. 26.
46. Plenum Donskogo komiteta RKP(b) // Trudovoj Don. 1923. 10 ijunja. S. 5.
47. CDNIRO. F. R-4. Op. 1. D. 170. L. 2, 63, 63a, 63g.
48. RGASPI. F. R-17. Op. 60. D. 585.
49. RGASPI. F. R-17. Op. 60. D. 585. L. 86.
50. CDNIRO. F. R-97. Op. 1. D. 21. L. 7 ob.
51. Protiv boga // Trudovoj Don. 1923. 16 ijunja. S. 4.
52. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 39. L. 66ob.–67.
53. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 39. L. 66ob.–67.
54. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 39. L. 66ob.–67.
55. Krinko E.F., Medvedev M.V. "...To Elect a Parity Commission": Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925. S. 205.
56. TF GARO. F. R-413. Op. 1. D. 244. L. 274.
57. TF GARO. F. R-413. Op. 1. D. 244. L. 274.
58. TF GARO. F. R-413. Op. 1. D. 244. L. 274.
59. TF GARO. F. R-413. Op. 1. D. 244. L. 289.
60. TF GARO. F. R-10. Op. 1. D. 169. L. 10.

61. Nashi budni // Trudovoj Don. 1923. 24 aprilja. S. 3.
62. Ja tridcat' let kommunist» // Trudovoj Don. 1923. 28 aprilja. S. 2.
63. Kak Grishka-slesar' sdelalsja bezbozhnikom // Trudovoj Don. 1923. 18 nojabrja. S. 3.
64. ...A ikona visit... // Trudovoj Don. 1923. 18 avgusta. S. 2.
65. Protiv boga i popov // Trudovoj Don. 1923. 20 dekabrja. S. 3.
66. Blagochinnyj na mitinge // Donskoj pahar'. 1923. 13 ijunja. S. 2.
67. Gosudarstvo i cerkov' // Trudovoj Don. 1923. 30 ijunja. S. 1.
68. Rabochie o Lenskih sobytijah i o sud'be cerkvi // Trudovoj Don. 1923. 21 aprilja. S. 3.
69. Rabochie o Lenskih sobytijah i o sud'be cerkvi...
70. Rabochie o Lenskih sobytijah i o sud'be cerkvi...
71. Pticy nebesnye // Trudovoj Don. 1923. 12 aprilja. S. 3.
72. Nikodimov I. Patent na cerkov' // Trudovoj Don. 1923. 26 maja. S. 4.
73. Episkop-samogonshhik (Mechetinskaja vol., Cherkasskogo okr.) // Donskoj pahar'. 1923. 4 nojabrja. S. 2.
74. Sud nad bogom // Trudovoj Don. 1923. 19 sentjabrja. S. 5.
75. V cerkov' ne hodi // Trudovoj Don. 1923. 16 marta. S. 4.
76. Morozovskij okrug. Religioznyj disput // Trudovoj Don. 1923. 17 marta. S. 2.
77. Vsem starikam i staruham // Trudovoj Don. 1923. 30 avgusta. S. 2.
78. GARO. F. 226. Op. 3. D. 12338. L. 55ob.-56.
79. Shadrina A.V. Rezul'taty vyjavlenija imen repressirovannogo duhovenstva Donskoj i Novoherkasskoj eparhii 20–40-h gg. XX v. // Knjaz' Vladimir. Civilizacionnyj vybor Rusi. Materialy XIX Dimitrievskih obrazovatel'nyh chtenij. Rostov-na-Donu: [B.i.], 2014. S. 202–211.
80. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 7. L. 8.
81. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 7. L. 8.
82. RGASPI. F. R-17. Op. 60. D. 585. L. 21.
83. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Anticerkovnye akcii 1923 goda v donskom regione. S. 199–201.
84. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. 1923 g.: religioznaja obstanovka v Donskom regione // Nauchnye trudy Donskoj duhovnoj seminarii. Vyp. 1. Rostov-na-Donu: Antej, 2013. S. 256–275.
85. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Antireligioznaja bor'ba v 1923 g. v Donskom regione: ideologicheskoe i silovoe vozdejstvie na verujushhij. S. 40–50.
86. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 39, L. 102.
87. Slezin A.A. Za "Novuju veru". M.: Akademija estestvoznaniya, 2009. URL: <http://www.rae.ru/monographs/60-2384> (data obrashhenija: 7.08.2016).
88. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941. Dokumenty i fotomaterialy. S. 179.
89. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Anticerkovnye akcii 1923 goda v donskom regione... S. 201.
90. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 40, L. 36–39.
91. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 21, L. 7 ob.
92. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 62. L. 3.
93. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 40. L. 20.
94. CDNIRO. F. R-104. Op. 1. D. 39. L. 90.
95. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 40. L. 20.
96. CDNIRO. F. R-6. Op. 1. D. 33. L. 22.
97. CDNIRO. F. R-209. Op. 1. D. 24. L. 21–21ob.
98. CDNIRO. F. R-209. Op. 1. D. 24 a. L. 25–25a.
99. CDNIRO. F. R-209. Op. 1. D. 148, L. 9.
100. GARF. F. R-5407. Op. 1. D. 39.
101. Prazdnik urozhaja // Donskoj pahar'. 1923. 28 oktjabrja. S. 3.
102. Prazdnik "tovarishha Urozhaja" // Trudovoj Don. 1923. 26 ijulja. S. 2.
103. Prazdnik urozhaja // Trudovoj Don. 1923. 5 avgusta. S. 2.
104. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 38. L. 9. D. 40. L. 34–34ob.
105. Antireligioznoe dvizhenie sredi donskogo krest'janstva // Trudovoj Don. 1923. 8 aprilja. S. 2.

106. Vmesto voskresen'ja – ponedel'nik // Sovetskij Jug. 1923. 24 maja. S. 3.
107. Ne prazdnujut voskresen'e // Trudovoj Don. 1923. 14 aprilja. S. 2.
108. Rabochie o zakrytii cerkvej // Trudovoj Don. 1923. 24 aprilja. S. 4.
109. K novomu bytu // Trudovoj Don. 1923. 28 dekabnja. S. 2.
110. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR.... S. 57.
111. Pora by ikony snjat' // Trudovoj Don. 1923. 3 aprilja. S. 2.
112. Aromatnyj buket. Haltura, ikony, tancul'ki, razvrat i p'janstvo // Trudovoj Don. 1923. 9 avgusta. S. 6.
113. Aromatnyj buket. Haltura, ikony, tancul'ki, razvrat i p'janstvo.
114. ...A ikona visit....
115. Rabochim ikon ne nuzhno // Trudovoj Don. 1923. 21 janvarja. S. 2.
116. Doloj ikony // Trudovoj Don. 1923. 18 fevralja. S. 2.
117. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 40. L. 14.
118. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 40. L. 12.
119. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 40. D. 27. L. 32.
120. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Anticerkovnye akcii 1923 goda v donskom regione... S. 202.
121. Tabunshhikova L.V., Gerasimova V.V. Antikolokol'naja kampanija v Taganrogskom i Shahtinsko-Doneckom okrugah v 1923–1924 gg. // Nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitija: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Cheboksary, 29 nojabnja 2015 g.). Cheboksary: CNS "Interaktiv plus", 2015. S. 47–51.
122. Kolokola na jelektrifikaciju derevni // Nauka i religija. 1922. 7 ijulja. S. 4.
123. TF GARO. F. R-413. Op. 1. D. 28. L. 30.
124. Tabunshhikova L.V., Gerasimova V.V. Antikolokol'naja kampanija v Taganrogskom i Shahtinsko-Doneckom okrugah v 1923–1924 gg.... S. 48.
125. TF GARO. F.R-10. Op. 1. D. 169. L. 7.
126. Tabunshhikova L.V., Gerasimova V.V. Antikolokol'naja kampanija v Taganrogskom i Shahtinsko-Doneckom okrugah v 1923–1924 gg.... S. 49.
127. Sokolova A. "Nel'zja, nel'zja novyh ljudej horonit' po-staromu" // Otechestvennye zapiski. 2013. № 5. S. 196–197.
128. Tabunshhikova L.V. "Krasnaja obrjadnost'" na territorii Donoblasti v 1923–1924 gg. // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija: Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. M.: PSTGU, 2015. № 6. S. 85.
129. Rabota sredi zhenshhin // Trudovoj Don. 1923. 17 maja. S. 2.
130. Tabunshhikova L.V. "Krasnaja obrjadnost'" na territorii Donoblasti v 1923–1924 gg. ... S. 85–87.
131. Tabunshhikova L.V. "Krasnaja obrjadnost'" na territorii Donoblasti v 1923–1924 gg. ... S. 88.
132. V bor'be za novyj byt. Sovetskie "krestiny" // Trudovoj Don. 1923. 2 nojabnja. S. 2.
133. Novočerkassk. "Sovetskie krestiny" // Trudovoj Don. 1923. 27 nojabnja. S. 3.
134. Shtrihi novogo byta. Krestiny u sovparktshkol'cev // Trudovoj Don. 1923. 18 nojabnja. S. 3.
135. My novyj byt postroim // Trudovoj Don. 1923. 4 dekabnja. S. 2.
136. Kreshhennyj "Marks" // Donskoj pahar'. 1923. 16 oktjabnja. S. 2.
137. Tabunshhikova L.V. "Krasnaja obrjadnost'" na territorii Donoblasti v 1923–1924 gg.... S. 85–94.
138. Na nashih krestinah // Trudovoj Don. 1923. 24 nojabnja. S. 2.
139. Rabochij byt. Lomka starogo byta (brak po novomu) // Trudovoj Don. 1923. 24 nojabnja. S. 2.
140. Tabunshhikova L.V. Modernizacija byta 1920-h gg.: "krasnye svad'by", "krasnye krestiny", "kommunisticheskie pohorony" // Vestnik RMION. Istoricheskie i social'nye aspekty modernizacii Rossii v XIX – nachale XXI vv. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2015. S. 228–240.
141. Tabunshhikova L.V. "Krasnaja obrjadnost'" na territorii Donoblasti v 1923–1924 gg. S. 92.
142. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 7. L. 26.
143. CDNIRO. F. R-209. Op. 1. D. 24a. L. 6a.
144. CDNIRO. F. R-6. Op. 1. D. 30. L. 49ob.

145. CDNIRO. F. R-118. Op. 1. D. 40. L. 20.
146. Bor'ba s popami (Donskoj okrug) // Donskoj pahar'. 1923. 27 maja. S. 2.
147. Izby-chital'ni // Trudovoj Don. 1923. 17 aprelja. S. 2
148. Po izbam-chital'njam // Donskoj pahar'. 1923. 4 dekabrja. S. 2.
149. Rogovskoj frakcii nuzhna literatura (Doneckij okrug) // Trudovoj Don. 1923. 3 aprelja. S. 2.
150. Knigi protiv religii // Trudovoj Don. 1923. 5 aprelja. S. 5.
151. Razdorskoe zhit'e // Trudovoj Don. 1923. 18 sentjabrja. S. 3.
152. Rabota agitpropa Temrajkoma RKP(b) (ijun'-ijul') // Trudovoj Don. 1923. 9 avgusta. S. 2.
153. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. K probleme zakrytija pravoslavnyh cerkvej na Donu v konce 1920-h – 1930-e gg. // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 2: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2012. № 6 (49). S. 35–44.
154. Tabunshhikova L.V. Shadrina A.V. Zakrytie cerkvej i molitvennyh zdanij Donskoj oblasti v 1920-e – 1930-e gg. Sbornik dokumentov. Rostov-na-Donu: [B.i.], 2013. 504 s.
155. Arhiv UFSB RF po RO. D. P-52997. L. 13–14, 38–38ob., 42–46ob., 47–48ob.
156. Tabunshhikova L.V. Shadrina A.V. Zakrytie cerkvej i molitvennyh zdanij Donskoj oblasti v 1920-e – 1930-e gg. S. 16.
157. Tabunshhikova L.V. Shadrina A.V. Zakrytie cerkvej i molitvennyh zdanij Donskoj oblasti v 1920-e – 1930-e gg. S. 14.
158. Neobhodimo zakryt' cerkov' na medfake // Trudovoj Don. 1923. 18 aprelja. S. 3.
159. Cerkov' ne nuzhna nam // Trudovoj Don. 1923. 27 aprelja. S. 3.
160. Antireligioznoe dvizhenie sredi donskogo krest'janstva // Trudovoj Don. 1923. 8 aprelja. S. 2.
161. Nikodimov I. Patent na cerkov' // Trudovoj Don. 1923. 26 maja. S. 4.

УДК 93/94

«Церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей мы еще не отделили»: государство и Русская православная церковь на Дону в 1923 г.

Людмила Викторовна Табунщикова

Южный федеральный университет, Российская Федерация
344006 Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105.
Кандидат исторических наук
E-mail: puma19776@mail.ru

Алла Валерьевна Шадрина

Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация
344006 Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Кандидат исторических наук
E-mail: shadrina@ssc-ras.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из малоизученных сюжетов истории церковно-государственных отношений в СССР – событиям 1923 г. Этот год стал рубежом, характеризующимся резкой сменой тактики усиливавшейся борьбы советского государства с религиозными организациями. На примере Донской области показано, что против Русской православной церкви была развернута широкая пропагандистская кампания, одним из ведущих теоретиков которой был Е. Ярославский. В ней использовалось все многообразие активных форм агитации: агитационно-пропагандистские диспуты и статьи на страницах газет, публичные отречения священников-рenegатов, борьба с церковными праздниками, перенос выходных дней, антиколокольная и антииконная кампании, введение «красной обрядности», показательные закрытия церквей и др. Массированная пропаганда не достигла своей цели, поскольку «перегибы на местах» у религиозных людей вызывали только протест, а равнодушные оставались безразличными.

Ключевые слова: Русская православная церковь, антицерковная политика, агитационно-пропагандистская кампания, периодика как площадка для Агитпропа, «комсомольское рождество», «комсомольская пасха», отмена воскресенья как выходного дня, антиколокольная кампания, борьба с иконами, закрытия церквей в Донской области, «красная обрядность», избы-читальни.